ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННОСТИ И СУБЪЕКТИВНОСТИ. МОДЕРН И ПЛАСТИЧНОСТЬ

УДК 17.022

А. В. ПАВЛОВ

1.

Что такое современность, чем она отличается от одновременности? Суть современности в том, что она всегда — проблема. Ее нельзя решить, но ею можно управлять: вытеснять на другие уровни, переводить в конструктивное или деструктивное русло. Одновременность же — все происходящее по факту календарного совпадения.

Современность субъективна, она — особое качество мышления, состоящее в осознании проблемности своей жизни и непрерывном поиске способов ее преодоления, она требует высокой степени креативности и напряжения сил. Она стремится к полному преображению таким образом, чтобы обнаруженная проблематичность потеряла значение; в отличие от одновременности, которая формальна, объективна, не нуждается в проблемном мышлении и в разработке специальных средств и зависит только от произвольно выбранной точки отсчета, например, от принятого календаря. Она — форма общесоциальной координации, в то время, как современность — напрямую зависящий от субъективного сознания способ его самоопределения по отношению к объективным для него фактам и их оценка. Что одновременно, далеко не всегда современно, а современное — не всегда одновременно.

Я бы сказал, что современность — это умение жить в соответствии с меняющейся реальностью, а не с выдумками, иллюзиями, благими пожеланиями и памятью о великом прошлом, тормозящими изменения. Таким образом, ее сущность — в субъективности, вся ее проблематичность является проблематикой субъекта, поиском таких форм разума, какие были бы наиболее адекватными для субъекта и его жизненной проблематики.

Современен только разумный человек, и только тогда, когда он разумен. А следовательно, современность – это самоопределение субъекта, его стремление самому себе ответить на вопрос, что же ему надо, и в первую очередь, надо ли ему продолжать быть разумным и субъективным или лучше перейти к благополучному и веселому беспроблемному существованию, когда достаточно биологических и социокультурных инстинктов и рефлексов. И лишь за самоопределением субъекта следует разработка и применение новых технических средств и организационных механизмов. Обратным же путем, от приобретенных новинок к субъекту протекают попытки обучить лабрадора самому использовать подаренный ему ошейник с приемником GLONASS.

Проблема современности заключается в выборе между бытием и небытием в качестве субъекта своей жизни, затем в выборе между разными ее способами, и только в третью очередь техника, технологии и организация, являющиеся лишь предметными носителями современности и условиями одновременности.

Сущность современности в разуме, и лишь потом – в рациональности. Она имеет индивидуальное бытие, именно поэтому разумна, в отличие от одновременности, которая социальна и рациональна. Современность, следовательно, в умении жить своей жизнью, а не той, какую нам навязывают обстоятельства или чьи-либо требования, и думать своей головой. Она появляется только для того, кто обнаруживает, что он есть, а не кажется самому себе, и лишь тогда, когда он это обнаруживает. Следовательно, ее существование напрямую зависит от наличия в обществе человеческой индивидуальности, от ее способности заявлять о себе как о субъекте. Значит, и современ-ность определяется как по качеству (разные современности, каждая «привязана» к своему индивиду), так и в параметрах «более-менее».

Каким же образом современность может быть исследована и какие коррективы представление о ней способно внести и в гуманитарные знания, и в социальные, и в практику?

Я хочу предложить некоторую возможную рефлексию этой проблемы и обозначить краеугольный камень, опираясь на который можно попытаться разработать рациональную концепцию современности как одной из фундаментальных характеристик общественной жизни.

2.

Исследование современности на сегодня фокусируется в двух распространенных у нас и в западной литературе концепциях Ж.-Ф. Лиотара и Ю. Хабермаса [3, 8, 9]. В нашей стране интересный анализ современности предпринимали Б. Капустин, В. Фурс и др. [2, 6, 7].

А первые шаги в этом направлении делали, надо полагать, Ф. Ницше, Э. Гуссерль,

М. Хайдеггер, и особенно Ж.-П. Сартр, выдвинувший именно конкретного человеческого мыслящего индивида, Жана или Альбера как субъекта/предмет осмысления. А уж этот индивид, начав осмыслять себя и свою жизнь, стал современным и создал современность как свою общественную и природную жизнь.

Наша рефлексия современности тормозится и искажается боязнью свободы, самостоятельности и самобытности, это то же самое, что боязнь современности. Она глубоко укоренена нашей историей чинопочитания, постоян-ной оглядки на соседей, приверженности традициям и многими другими способами духовного самоубийства, потому, что наилучший способ не иметь проблем и не отягощаться их решением – это не жить.

Что же такое современность, понятая онтологически конкретно, а не классически абстрактно в духе обобщающих, особенно спекулятивных теорий? Здесь прежде всего обращатт на себя внимание рефлексия «модерна», нередко выдаваемая за синоним современности. Г. Гегель, благодаря которому «модерн» утвердился как научный термин и М. Вебер, показавший, что модерн – явление по преимуществу западноевропейское, связанное с рациональностью общества, устроенного в виде тотального Капитала [1], как его описал К. Маркс.

Уже эта западная привязанность модерна наводит на мысли: неужели все остальные общества современности вовсе лишены, или у них свои современности, отличные от западной? Но тогда современность и модерн – разные вещи: современность как общечеловеческая проблема гораздо глубже модерна, а он, в свою очередь, значительно формальнее, техничнее, характеризует особую одновременность событий западной жизни и заявку этой цивилизации на планетарный статус, ее «веберовский вызов» человечеству. Замечу, что есть общества с минимальными проблесками современности, а есть такие, которые насквозь пропитаны ею, но от модернизации крайне далеки, например, наше, российское 2000 гг.

За Гегелем и Вебером последовала литература, вызванная к жизни непрерывно обостряющейся и актуализирующейся проблемой западной современности как модернизации. Однако, думается, вся эта литература прямо, косвенно либо имплицитно восходит к спекулятивным концепциям философского классицизма, из-за чего современность трактуется как целая эпоха. Безусловно, эти трактовки правомерны, но чувствуется, что из них уходит главное – современность. Почему длящаяся во времени эпоха, охватывающая пять столетий, может вообще трактоваться как современность (Модерн), что является точкой отсчета таких трактовок, придающей им жизненный, а значит и актуальный смысл?

3.

Ю. Хабермас указывает на гегелевскую «Феноменологию духа» как на работу, в которой впервые дана рефлексия современности. И это действительно так. Представив историю диалектически, Гегель понял современность исторически и революционно, как преодоление прошлого и нацеленность на будущее. У него современность выглядит как шаг из одной полностью завершенной и исчерпавшей себя стадии истории к другой, как зарождение новой перспективы. В такой трактовке современность, главным образом, связана с межцивилизационными переходами и их предпосылками, созревающими на предшествующих стадиях. Но эти его шаги похожи на круги вальса, на такой компромисс между стадиями, где каждому бы нашлось удобное место, и молодому профессору с его принципиально новыми взглядами, и министерству образования, не переносящему ничего нового. Честность ученого не позволила Гегелю с возрастом окончательно забыть о собственном юношеском протестантизме и заняться сочинением методичек и инструкций. Из своего стремления к компромиссу он сделал диалектику, где история ходит кругами, но все же поднимается вверх, как по винтовой лестнице.

Однако уже К. Маркс, сам, бывший германский студент, почувствовал и экзистенциальную конкретность Гегеля, и внутренний конфликт гегелевской философии, обозначив его как конфликт системы с методом. Гегелевская революция больше предчувствие будущего из прошлого, понимание грядущей исчерпанности эпохи, в которой жил сам Гегель и ожидание кардинальных перемен. Однако выход за пределы эпохи означает ее распад на атомы с тем, чтобы в дальнейшем из атомов сложилось что-то новое.

К. Маркс обнаружил эти атомы – людей с их субъективной чувственной деятельностью. И хотя написанная, даже не завершенная им вместе с Ф. Энгельсом «Немецкая идеология», где они констатировали факт существования живых человеческих индивидов, их деятельности и условий, в которых они находятся, и зафиксировали этот факт в качестве предпосылок своего понимания истории [4], была, по выражению Ф. Энгельса, отправлена на чердак «грызущей критике мышей» и опубликована впервые только в 30-е гг. XX века в СССР, в русском переводе и со следами мышиных зубов, но эти предпосылки в дальнейшем направили все их

творчество и превратили гегелевский абстрактный компромисс в бескомпромиссную революционную практику. А нам осталась в наследство проблема, в каких условиях нужен и возможен компромисс, а в каких – бескомпромиссность.

4.

Ю. Хабермас обратил внимание, что само слово «modern» («современ-ность») начинает употребляться в Западной Европе еще в V в. н. э. в связи с распространением и утверждением христианства и его стремлением отличить себя от уходящего римского язычества [8]. Можно предполагать, что какое-то слово употреблялось и раньше применительно к самоопределению новой культурной реальности по отношению к старой, потому что ситуацию такого самоопределения легко увидеть в непрекращающихся и зафиксированных, по крайней мере в писанной истории, противоречиях и конфликтах поколений.

В дальнейшем эта ситуация может наблюдаться всякий раз при существенных изменениях цивилизаций и мировоззрений, и выход из нее всегда состоял в воспроизводстве разума путем изменения рациональности и цивилизации.

Человеческая конкретность конфликтна, она элементалия хаоса и провоцирует взрыв. Но вместе с этим она ставит и вопрос: возможна ли рациональность и социальное единство как продукт межчеловеческого существования, на основе людских различий, без внешнего выравнивающего принуждения? Может ли быть эта конфликтность если и не прекращена, то, по крайней мере, переведена в конструктивное русло творчества и обновления?

У истоков любой культуры, в отличие от объективной реальности, находится система вполне субъективных идей и ценностей, формообразующих для всего культурного пространства, сформулированных и созданных конкретными людьми и группами, выражающихся в их действиях, но позднее переосмысляемых, развиваемых и видоизменяемых, и проявляющихся в разных исторических и региональных модификациях. Эти культурные модификации господствуют на своих территориях, вступают в противоречивое единство с собственными историческими истоками, восходящими еще к древним временам, с природно-географическими особенностями, культурным соседством, случайными обстоятельствами и т.д. И таким образом, например, в Европе каждая эпоха и каждый регион обладает своей собственной «цивилизацией модерна». А общая система ценностей для них становится больше предметом обсуждения с соседями, «точками диалога», совпадения или несовместимости с ними, возможностью формирования общеевропейских коммуникаций и общей перспективой. Различия между локальными цивилизациями связаны с разной мерой соотношения объективного хаоса и субъективно заданного порядка и с разной исторически обусловленной природой их субъективности.

Возвращаясь к модерну, уже на основе сказанного выше легко сделать вывод о том, что состояние модерна – это агональность, неизбежная при смене культур или при их противоречивом взаимодействии. Именно в этот момент и в этих пространственных координатах в общественной жизни на передний план выходят какие-то особые черты, оформляющиеся в появлении целых социальных групп, живущих «современно/несовременно», придерживающихся «новых/консервативных взглядов» и стремящихся освободиться от диктата прошлого или от внешней зависимости. С одной из таких групп и связывается современность, причем на тот период, пока эти группы не становятся господствующими, пока их образ жизни и мировоззрение не превращаются в общесоциальные и традиционные. Проиграв или победив, они уже перестают быть современными, а в обществе зарождается что-то новое, иная современность.

5.

Современность – личная оценка мироустройства под углом проблемности своей жизни и поиск способа решения проблем. Модерн же – протестный потенциал современности, ее нацеленность на создание технологических средств решения проблем и пространства, где возможны именно технологические решения.

Но что же еще, помимо протеста, позволяет преодолевать проблемность, и что кроме него скрывается в модерне? Если современность личностна и всегда начинается с конкретного субъекта, живущего здесь и сейчас, то модерн представляет собою общественную жизнь, обусловливающую субъективность, вместе с самосознанием, проблемами, протестом и оценкой. Человек включен в нее, условия и обстоятельства, оцениваемые им как проблемы, созданы в ней, его рациональность, культура и субъективность, формирующие вместе с обстоятельствами оценку, тоже в ней сложились.

В рамках общественной жизни проблемы как появляются, так и решаются. Причем решаются они не только в ходе протестов, революций и войн, но и в ходе диалога, обоюдного поиска компромиссов и т.д. То есть эпоха, которую мы считаем «модерном», не имеет исключительно модернистского характера. В ней прячется множество вариантов развития,

и все они обусловлены предпосылками и условиями современности конкретных людей. Как исключительно модерн она может быть обозначена только ретроспективно, по ее итогам и тоже в зависимости от выбранной концепции и от субъекта, который придерживается ее взглядов. Но затем, когда субъективность выбрала себе модернистское прошлое, она превращает выбор в практику и начинает воспроизводить модерн как свою единственную перспективу, и тогда модерн становится постмодерном.

Постмодерн – это безальтернативный модерн, хотя даже в этом случае он не становится абсолютным. Он превращается в метанарратив, в общую форму эпохи, предписывающую способ существования. А за ним продолжает бурлить современная жизнь со всеми ее вариантами, накапливается «протест против безальтернативного протеста», все труднее сдерживаемый формально направленным развитием. За устоявшимися и казалось бы вечными требованиями морали и права усиливается напряжение, нарастает усталость от непрекращающихся социальных и личных конфликтов, скука обыденности, хочется отдыха и праздника, и происходит делегитимация протестного метанарратива, раскрепощающая всю полноту современности. И начинается межвременье, лишенное предписанных ориентиров и чреватое революцией, то есть реорганизацией и принудительной переменой нелегитимной формы на легитимную. В эту эпоху как раз и создаются новые ориентиры жизни, странным образом освященные всеобщей легитимностью.

6.

Нетрудно заметить, что для активного человека любая общественная обстановка будет современной уже потому, что сама его субъективность означает восприятие реальности под углом проблем. Любое препятствие его целям и планам требует преодоления: его надо разрушить и создать новые условия. В таком случае современность становится многообразием индивидуальных проблем, поиском и выбором способов решения, не только одним протестом, но и созиданием. Пойдет ли дальнейшее развитие по модернистскому пути или сложится что-то другое, зависит от того, какое решение проблем предпочтительней.

В любую эпоху разрушают и созидают именно современники. Они, будучи субъективными, переживают множество возмущающих препятствий, нерешенных, а порой и нерешаемых проблем: от вражды с шумным соседом до критического отношения к административному и политическому устройству страны.

Альтернативой протесту представляется конформизм, доходящий до безразличия к проблемам, до способности уходить от них, пусть даже путем утраты самобытия [5]. Конформизм и современность – прежде всего моральные установки личности, человек предпочитает решать проблемы или прятаться от них.

Протест всегда содержит в себе и разрушительный, и созидательный потенциал, он уничтожает препятствия и использует их как строительный материал. Разрушая, он становится агрессивным, созидая же – принудительным или пластичным, способным не только революционно решать проблемы, но и компенсировать их или использовать. Но в любом случае модерн – это действительно западная разновидность современности. Он есть там, где есть субъективность, целенаправленно и практически преодолевающая свои проблемы, а значит, есть и продолжение истории. Но он требует субъективности материального, биологического, чувственно-телесного человека, для которого приоритетны именно материальные интересы, а все остальное – не более чем способы отдыха и развлечения. Либо же он нуждается в идеалисте, твердо знающем, каково оно, счастье всего человечества, и непреклонно созидающем общечеловеческое «счастье».

Противоположный же современности вариант – это общественная жизнь, в которой предпочтительным выглядит не решение проблем, а самоуничижительное смирение с ними, и где люди уже не являются субъектами своей жизни. Известна фраза А. С. Пушкина: «Россия – страна, где власть является единственным европейцем». Различение Европы и Азии, сделанное еще в XIX веке, в первую очередь моральное, оно скрывает отличие конструктивно настроенного модерна от крепостного конформизма.

Общественная жизнь современности – это либо принудительный прогресс, субъектом и целью которого оказывается власть, а объектом – население. Либо это гуманистический прогресс, когда субъект и цель истории – население, а власть пластично приспосабливается к нему и координирует его разнонаправленные порывы. В конформистском же обществе жизнь такова, что люди как субъекты в ней редкие и большей частью – разрушительные вкрапления. Конформизм не нацелен ни на какое общественное развитие, как не предполагают его рабовладение и крепостничество, способные завершиться лишь разрушительным бунтом.

Современность не следует жестко связывать с капитализмом, это внутреннее побуждение к целенаправленному развитию, возможное при любой экономической

организации. Капитализм же как общественная цель способен использовать не только наемный труд, с которым мы его привычно ассо-циируем, но и рабство, и крепостное право, и еще много разных способов. Модерн — своеобразная идеалистически-материалистическая разновидность современности.

Современность скрывает в себе и разрушение, и созидание, и принуждение, и пластичность. В ней проблемы решаются, вытесняются, допускаются, а препятствия и сносятся, и используются, и легитимируются. Всегда находятся и бунтари, и строители, и приспособленцы. Более того, все эти варианты присущи любому человеку и поневоле им используются в различных жизненных условиях в связи с его моральной установкой и выбором. Модерн не исчерпывает все варианты современности. Он – такая ее разновидность, в которой разрушается устаревшее социальное однообразие и созидается новое, но такое же однообразное.

Он, безусловно, создает историю, но и ставит нас перед вопросом, обязательно ли история должна быть однообразной, одинаковой для всех субъектов современности? Ведь даже модерн в разных странах Запада неодинаков и представляется скорее суммой точек диалога между ними по поводу общих модернистских ценностей.

Наряду с модерном в общественной жизни можно заметить проявления современности как контемпоральности, как соотнесенности посредством диалога множества субъективно-различных времен. Помимо него обнаруживается и потенциал пластичной современности.

7.

Современность скрывается в ныне живущих поколениях и создает особую рациональность и цивилизованность. Точнее она является той субстанцией, из которой могут в перспективе родиться и непримиримая рациональность социального взрыва, и формальная рациональность общей стандартизации. Но она может и воспроизводиться, оставаясь тем, что она есть — многомерной рациональностью множества взаимно комплементарных частных человеческих разумов.

В основе рационализма современности находится самоидентификация живого разума по отношению к прошлому, будущему и другому, к тому, что уже не существует, чего еще нет и «как там у соседей». Самоидентификация всегда оценочна, но если это оценка, то не каждый человек современен, есть и несовременные люди.

Хотя человеческая и социальная субъективность друг друга обусловливают, но в основе любой субъективности находятся именно личности, это базовый факт любого общественного процесса. Он означает, что основной механизм общественной жизни заложен в человеческих индивидах и их отношениях ко всему вокруг.

Человек воспитывается от ребенка до взрослого и стихией «улиц», и организацией «коридоров», и спонтанным общением в молодежной тусовке, и волей родителей, и порядком учреждений, и собственными желаниями, и ограничивающими волю распоряжениями. Воспитание является формированием личности со стороны всех условий, в которые человек помещен с момента рождения. В зависимости от сочетания факторов, он становится то субъектом, как протестующим, так и пластичным, то конформистом, лишенным субъективности. Он способен и вполне осознанно эволюционировать по всему диапазону: от субъективности до десубъективизма. Его личность может быть и выращена, и сломлена. И тогда общественная жизнь складывается из тех, кто протестует и противодействует, и из тех, кто способен к диалогу и к взаимным уступкам, к совместному строительству структур, где противоборствующие стороны синтезируются в пластичную субъективность. А в кильватере субъектов покорно плывут десубъективированные конформисты, предпочитая судьбу не людей, а послушных инструментов и материала общественной жизни. Конформисты сами по себе вне современности, они могут быть лишь окрашены в цвета тех субъектов, кто «прибрал их к рукам», подчинил и направил, подобно крепостным крестьянам, кому даже фамилия давалась по барину и указывала на их принадлежность.

Таким образом, современность — это умение жить и быть субъектом в соответствии с меняющейся реальностью, включая изменения в самую структуру своей жизни и субъективности. Это особая культура жизни: проблемный, внутренне противоречивый и динамичный разум. Это — ценности, восходящие не к воспроизводству достигнутого, а к поиску новых достижений, не к единообразию, а к многообразию личностей и формам их сосуществования. В современности обнаруживается потенциал цивилизации как однообразного, так и комплементарного порядка общественной жизни.

8.

Эпоха модерна представляет собою период становления культуры пластичной современности, завершающийся только ко второй половине XX века. От самой культуры вечно текущей современности модерн отличается тем, что на базе разума развертывает рациональность, организованную ясной целью, трансформированную

в высшую ценность и распространенную повсеместно рациональными институтами образования и воспитания. Это очень оптимистичная эпоха, обещающая человеческому роду немалые перспективы. Целью и высшей ценностью, вокруг которой фокусируются все процессы модерна, является научное преобразование мира, превращение его в комфортную гуманизированную среду обитания и научное просвещение.

Однако понимание общей формулы современности на самом деле не решает ее проблему, а только обозначает. Если история европейских культур является историей становления пластичной современности, то она должна быть рассмотрена под углом зрения модерна и постмодернистского состояния. Что представляет собою современность как способ бытия и образ жизни, каков ее тип рациональности, какова демонстрируемая ею сущность общества, скрытая теориями, политическими системами, культурными ценностями, каковы критерии оценки и какова, в конце концов, перспектива нашей сегодняшней современности, ее практика и ее границы?

А если это проблемное поле применить к современности нынешней России, то для нас оно будет заключаться в следующем: каковы отличительные черты нашего межвременья, каково характерное для него человеческое самосознание, его динамика и возможные перспективы выхода из этого состояния?

Современность — одна из характеристик реальной жизни, другая характеристика — несовременность.

Если современное — то, что «есть здесь и сейчас для меня», то оно — субъективно, прежде всего по отношению к прошлому. Оно воспринимает прошлое как проблему и либо агрессивно разрушает, оставляя навеки пршлым, либо пластично втягивает в себя, осовременивает и придает ему новую жизнь. В таком случае прошлое либо исчезает навсегда, не оставляя после себя даже имени, либо сохраняется как материал современного творчества или как некий знак, провоцирующий у современности идею творческой цели.

Современное – это субъективность, источник проблем, а несовременное — сохранившиеся знаки прошлого и объективный материал, найденные «здесь и сейчас». Суть прошлого та же, что и у будущего, и у чужого, они понимаются не как «мое внутреннее проблемное содержание», а как внешнее существование, подавляющее «мое» самобытие, и при этом, они оказываются материалом и целью, помогающими современности решать ее проблемы.

А в этом случае материал и цель используются современностью и становятся современными; прошлое, будущее и чужое оказываются «своим». Но это не однозначное, а бивалентное «своё». Материал и цель могут и впрямь осваиваться и осовременяться, как освоено Западной Европой античное наследие, а могут и подавлять субъективность, утаскивая ее за собой, как советский коммунизм, выросший из непонятого и выдуманного византизма, стал на деле трансформированным самодержавием и полвека тащил за собой советских людей. А тогда, говоря проще, современность, это — нонконформизм, а несовременность — конформизм, первое — «я», осваивающее чужое и освобождающееся от него, а второе — «я», увязшее в чужом.

Неудовлетворенные собою, мы подражаем другим, стремимся к мечте, строим утопии, боремся со всем, что препятствует воплощению наших идеалов и иллюзий, используем препятствия как материал и преобразуем их. А тогда современность – не только «Я» и моя борьба, но это еще и моя мечта, порыв, нацеленность на победу, ожидание последующего счастья, то есть это действие и его мотивация.

Будучи проблемой, современность оказывается действием и объективацией. В ней мечтается и вспоминается, в ней воспринимается внешняя реальность, с которой она устанавливает контакты и отношения и формирует коммуникации. В ней идет экзистенциальный диалог между партнерами, каждый из которых идентифицирует в качестве современника, прежде всего себя, но в ходе диалога интенционально придает это значение и соседу. Здесь современность выходит за пределы индивида и становится коллективным действием всех, кто объединен общим диалогом, оказывается именно пластичной. Ее пластичность теперь выступает сущностью самого агрессивного модерна, относящегося к современности лишь в той мере, в какой он направлен к пластичности и комплементарности. А тогда точкой отсчета любой современности оказывается уже диалог.

Он точка отсчета не в качестве формальной коммуникации или абстрактного отношения, а, в первую очередь, именно как диалог и полилог, то есть как «моя субъективность», находящаяся в полилоге, посредством него участвующая в жизни партнеров и переживающая их вторжение в «мою жизнь». Полилог создает своеобразную «вторичную субъективность», интегрирующую множество участвующих в нем «Я».

Современность как продукт полилога выступает мерой комплементарности партнеров, их не безразличного согласия друг с другом, но взаимного приспособления, достаточно неуживчивого, сопротивляющегося, отстаивающего

свою самобытность, но и идущего на уступки. Она конституирует себя как точку отсчета, как оценивающий и созидающий субъект. Именно способность оценивать придает современности проблемный и агональный характер, обусловливает несовпадение «моих» оценок с чужими, но из-за нее же современность умеет быть и комплементарной. Что это за «вторичный субъект» в его существе, и на каком основании он дает свои оценки? Кто такой «Я» не как самобытное и самодостаточное бытие, а как тот, кто участвует в жизни других тем, что дает им оценку, противоборствует или уживается с их оценками и самооценками?

9.

Когда современность определяет себя в виде непрерывного противопоставления и динамики ценности и неценности, смысла и бессмысленности, легитимности и нелегитимности, в виде поиска смысла всего, что этот субъект находит в своей жизни и что утрачивает, когда она содержательна, тогда она уже выходит за пределы времени и указывает на свою онтологию, в динамичности которой она пребывает.

Время же представлено в устойчивости нашего бытия, в обусловленности мгновения длинной цепью предшествующих мгновений, в присутствии следов прошлого в настоящем. Где-то в недрах современности скрыто мгно-вение как свернутая в точку вечность, а во времени — вечность как полностью развернутое мгновение. Мгновение и вечность были первыми словами, с помощью которых еще в Средние века мысль пыталась зафиксировать изменчивость человеческой жизни и взаимную современность царства Божьего и мира земного, способ их сосуществования.

Представляется, что современность, это точка, в которой время и пространство совпадают, становясь единым пространственно-временным континуумом. Совмещаются же они только в точке отсчета, движение которой их и создает. Это позволяет утверждать, что пространство и время, в свою очередь, представляют собою совокупность ориентиров, куда соврменность может переместиться, чтобы создать новый пространственно-временной континуум. Современность оказывается чистой динамикой, а пространство и время — той формой, какую современность создает и благодаря которой придает своей динамичности определенность. Для общественной жизни такой точкой отсчета, позволяющей и наблюдать, и переживать пространство и время, в буквальном смысле слова является эйнштейновский «наблюдатель», но не только тот, кто просто наблюдает, а тот, кто, наблюдая, переживает и практически действует.

Современность так тесно связана с содержательной конкретностью субъекта, что выступает просто оценкой, с помощью которой изменяющийся субъект оценивает все, что в его жизнь вовлекается. Экзистенциальный диалог множества субъектов превращает их оценки в общекультурную систему, в «пространство оценок и ориентиров», благодаря которому современность существует как всеобщая система координат. Однако плюрализм субъектов указывает на плюрализм современностей, их столько, сколько субъектов, ищущих и теряющих, создающих и разрушающих смысл происходящего. В каждую культурно-историческую эпоху, в ее начале оценочное пространство современности напрямую подчинено насущной реальности человеческой жизни, но в ее конце оценки подчиняют себе всё. Тогда и начинается состояние постмодерна, теперь оно — пространство формализованных оценок, ставших догмами и подчинивших себе живую человеческую субъективность. А за этим уже следует «межвременье», освобождение людей от догм, утративших смысл.

Можно полагать, что, хотя современность и оценочна, но в ней вполне может быть выделена точка отсчета. Это — оценка культуры и цивилизации с позиций человеческой индивидуальности, но не каждой, а только той, какая стремится найти, раскрыть и реализовать свой собственный, а не навязанный извне потенциал, а для этого нуждается в непрерывном творческом переустройстве объективных условий.

(Продолжение следует)

1. Вебер М. Предварительные замечания // М.Вебер. Избранные произведения. М. : «Прогресс», 1990.
2. Капустин Б. Г. Современность как предмет политической теории. М. : РОС-СПЭН, 1998.
3. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. М. : «Адетейа», 1998.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. Т. 3. М.: Гос. Изд-во полит. литер, 1955.
5. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: АСТ, 2011.
6. Фурс В. Критическая теория «современности» (анализ формирования одной социально-философской концепции) // Логос. 2004. №1 (41).
7. Фурс В. Парадигма критической теории в современной философии: Попытка экспликации // Логос. 2001. № 2 (28).
8. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4.
9. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М. : «Весь Мир», 2003.